

Моя реальная жизнь

*Повести
для подростков*

Елена Усачева

**Р.С. Я ТЕБЯ
НЕ НАВИЖУ!**

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 74

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Художник *Эмилия Ферез*

Усачева Е. А.

У 74 Р. С. Я тебя ненавижу! : повесть / Елена Усачева. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с. : ил.— (Моя реальная жизнь. Повести для подростков).

ISBN 978-5-699-70888-8

Ты никогда не думала, что можно ненавидеть из-за сломанной игрушки или выброшенной точилки? Оказывается, можно. Десять лет, вся школьная жизнь, было отдано Элей ненависти. Она ненавидела его с первого класса за то, что брал ее вещи, с шестого — за то, что стал встречаться с лучшей подругой, с девятого — за то, что вообще существовал. Девушка пыталась сломать его, но все чаще ломала себя. Останавливаться она не умела и шла к заветной цели — стереть Сашку с лица земли. По чудовищной прихоти судьбы, у нее это почти получилось...

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70888-8

© Усачева Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разноцветные лошадки

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Раз, два, три, если сможешь — убеги!

Зонтик у карусели яркий, отсвечивает лаком. Под ним на тонких трубочках разноцветные лошадки с наездниками. Через одного — девочка в длинном платье, мальчик в черном костюмчике. Основание, как бисквитный торт, украшено розовыми завитками, пастельным взбитым «кремом».

С легким треском поворачивается ключик. Щелкает механизм. Пронзительная музыка шарманки заставляет карусель бежать. Вверх-вниз

ходят лошадки. Барышни с кавалерами никак не могут встретиться: то он опускается до кармельного основания, то она.

Эля всегда выбирала белую лошадку. Зеленая уздечка, красная попонка. За ней скакал мальчик на черном коне. В черном костюмчике. Ах, как это было красиво. Черная уздечка. Белая попонка. Сам мальчик с темными волнистыми волосами. Розовощекий. Улыбается.

Улыбающегося мальчика в черном костюмчике Эля увидела к концу дня у себя на парте. И уже потом — разобранную карусель. Зонтик, торт-подставку, замершие вверх ногами лошадки. Ключик вяло завершал свой оборот. Скрипел поломанный механизм.

— А-а-а-а! — заорали у Эли за плечом.

Сразу появилось много лиц. Перепуганных, возмущенных, довольно скалящих зубы.

— Сломали!

Верещала Дронова. Распахивала огромные глаза, прикрывала рот ладошкой. Какой ужас! Какой кошмар!

— Ой! Подумаешь! Набор винтиков! Сашка Максимихин бросил на парту последнюю всадицу. Белая лошадка, красная попонка.

— Зачем ты это сделал?

Ирина Александровна острой бритвой прошла через взбаламученный класс.

— А чего?

Р. С. Я тебя ненавижу!

Сашка жмет плечами, гнет губы в презрительной ухмылке. Рыжеватый чуб падает на лоб. Глаза щурятся, собираются сухие морщинки. Кожа шелушится.

— Как чего? — всплескивает тонкими руками Ирина Александровна.

У нее черные волосы и «ведьминские», темные, глаза. В первом классе шептались, что она настоящая ведьма. По ночам колдует и летает на метле.

— Ты сломал чужую вещь! Она стоит больших денег!

— Там одна пластмасса. — Сашка уверен в своей правоте. — В нее играть было невозможно, только смотреть. А так — в самый раз. Да она еще работает.

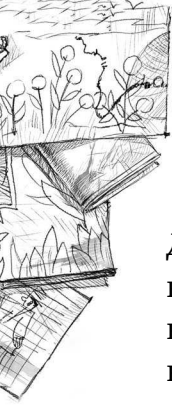
Он подхватывает торт-основание и крутит ключик. Механизм трещит и стонет. Все замороженно смотрят: если музыкальная шкатулка заиграет, значит, ничего не сломалось. Но карамельное основание издает тревожное «бздынь», и ключ начинает проворачиваться, не цепляясь за барабан.

— Отдай! — вырывает обломки игрушки учительница.

Она растерянно смотрит на парту, на свои руки, в глаза Эли, полные слез.

— Ну, и что мне с вами делать?

— Это еще можно починить, — суетится Алка Дронова. Она берет зонтик с прикрепленными к нему всадниками, пытается вставить их в основание. Тонкие палочки гнутся, отчего лица всадников кажутся недовольными.

— Ах, не надо ничего делать! — вскрикивает Эля.

Она смахивает пластмассовые детальки с парты и пробирается к выходу.

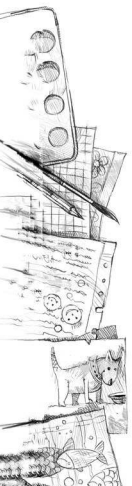
— Чего она? — вздыхает ей вслед Сашка. — Интересно же было посмотреть, что внутри. А там фигня всякая. Вам чего, пластмассы жалко?

— Не надо ребенку в школу дорогую вещь давать, — поддакнула Ирина Александровна.

Рыдая, Эля выбежала из класса. Слова учительницы звучат настоящим предательством. Как она могла такое сказать? Не поддержала, не убила на месте Максимихина своим «ведьминским» взглядом.

Забилась в раздевалке в дальний угол под длинные пальто старшеклассников и ревела в три ручья. В ушах еще стоял механический перебор музыкальной шкатулки. Больше всего было жалко белую лошадку с зеленой уздечкой. Мальчик в черном костюмчике так и не догнал девочку.

— Элька! — обрушилась на нее Дронова. — Ну, чего ты! — Она навалилась сбоку. Ей не жалко, ей интересно, что будет дальше. — Я Максику

Р. С. Я тебя ненавижу!

портфель в женский туалет бросила. Пускай прыгает.

— А Ирина Александровна?

Эля судорожно всхлипывала. Истерика прошла, оставив после себя легкий звон в голове.

— Написала ему в дневник, вызвала родителей, чтобы они деньги за карусель заплатили. Сколько она стоит-то?

— Нисколько. — Жалость к себе улетучилась вместе с последним всхлипом. Теперь она ненавидела Максимихина. Люто. Навсегда. — Не нужны мне его поганые деньги. А если он ко мне близко подойдет, я его ударю.

Пальто перед ними раздвинулись, оранжевая куртка сорвалась с крючка, повисла на коротко стриженной голове, длинным ухом спустилась к острому плечу. Лешка Дятлов, Сашкин друг, смотрел выжидающе.

— Ну и чего? — протянул он. — Портфель-то верните.

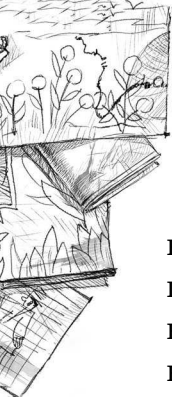
— Вот пускай твой Сашенька идет и берет, — приподнялась с колен Алка.

— Дронова, сейчас в лоб получишь! — Лешка сдернул с головы куртку.

— Это ты в лоб получишь! — кинулась с кулаками Дронова. Но сделать ничего не успела. Сверху их накрыл хриловатый прокуренный голос:

— Не, ну ты посмотри, молодежь оборзела!

Стоящий спиной ко входу Лешка получил пинок и головой вперед полетел под скрипнувшие секции вешалок. Алка метнулась по дальней стене под окнами, огибая опасный участок с некстати пришедшими старшекласниками. Эля бежала следом за подругой, твердя старую присказку: «Алла — Эля, Алла — Эля, Алла — Эля». Их дружба началась с этой присказки, с созвучия имен.

— Чего дома-то, ругать будут? — кричала Алка на ходу.

Она все делала быстро и шумно. Даже спала шумно — брыкаясь и вздыхая. Эля узнала это на первой же пижамной вечеринке, затянувшейся до утра.

— Не знаю.

Конечно, она боялась, что будут ругаться: карусель привез мамин приятель из-за границы. Это было только сказано — «для дочки», но мама сразу забрала игрушку к себе, поставила на ночной столик. Эля взяла без спроса, очень хотелось показать, какая у нее есть замечательная вещь.

— Может, ко мне пойдём? — предложила Эля. — Там, наверное, уже папа пришел.

С Алкой надежней, с ней ругать не будут. Повздыхают. А вечером ругать будет поздно.

— Пошли!

И они мчались знакомой дорогой через дворы, придумывая, как отомстят противному Сашке.

Р. С. Я тебя ненавижу!

Как будут кидать ему в компотдохлых тараканов, как стащат дневник и засунут его за батарею, как начнут подкладывать кнопки на стул.

Война шла с длительными перерывами. О ней забывали, вспоминая по случаю. В педагогических целях Ирина Александровна время от времени ставила Элю в пару с Сашкой или сажала их вместе на уроках. Они тут же делили парту, чертили карандашом кривую линию, двигали учебники, гремели стульями. Водовороты классной жизни, ее интересы разводили их. Но иногда... Иногда это выглядело непримиримой враждой.

Он сломал ее точилку. В пылу ссоры кричал, что случайно. Не поверила. Схватила пенал, помчалась в туалет. Карандаши пополам, ручки пополам, а что не ломалось, то разбиралось. Прыгали по кафелю пружинки.

— Пенал отдай! Дура! — орал в коридоре Максимихин.

— Подавись своим пеналом! — выбросила за порог остатки Эля.

Из-за случившегося их отправили к директору.

— Детишки-то растут, влюбляются, — вздыхала Ирина Александровна.

— Так направьте их энергию в мирное русло, — негромко говорила директриса. — Что же они у вас карандаши ломают? Сейчас карандаши, позже друг за друга примутся?

Директриса и стол казались одним целым, оба были большие и улыбчивые. Но за улыбкой была резкость.

Эля хмыкнула. Ага, любовь, как же! Держи карман шире!

— Он не нарочно, — рассуждала на классном часе отличница Машка Минаева. Маленькая, худенькая, волосы туго собраны в косичку, личико остренькое, как у хорька. — Одна точилка не может сравниться со всеми карандашами.

«У, правдурубка...» — привычно прошептала Алка. Минаеву никто не любил. За натасканность. За четкость ответов. За всегда сделанные работы и подготовку к урокам. За холодность. За нежелание помогать другим. Списать контрольную? Даже не мечтай. Взять домашку? Легче у голодного тигра кусок мяса отобрать. С ней пытались дружить из-за выгоды. Но дольше месяца никто не выдерживал.

— Это она специально все подстроила! — подпрыгнул на месте Лешка.

Тянет руку, словно ответить хочет, но говорит без разрешения. Слова у него налезают друг на друга, торопясь, как будто их специально в один комок лепят.

— Помните карусель? Она за нее мстит.

— Врешь ты все! — кинулась на Дятлова Алка. — Трепло!

Р. С. Я тебя ненавижу!

Ирина Александровна стучала журналом по столу. Хохотал на галерке всегда всем довольный Андрюха Попенко, клонился к нему Костик Борисов.

Элю с Дроновой выгнали в коридор. Им в спину кричали. Минаева пыталась доказать, что должна победить дружба.

— Вот ведь гады! — злилась Эля, баюкая уши-бленную руку на коленях.

— Ничего! — бодрилась Алка. — Мы им еще покажем.

Было в этих уверенных словах нечто щемяще-приятное. Вот это друг, никогда не подведет.

— Мы им отомстим! — Эля выпрямилась.

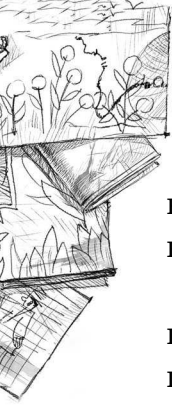
— Война! — радостно заверещала Дронова и раскрыла ладонь.

— Война! — звонко хлопнула по предложенной руке Эля.

У Алки ладонь узкая, с длинными пальцами, заканчивающимися некрасивыми маленькими ноготками, а у Эли круглая, крепка, с небольшими сильными пальцами. Вдвоем они всех победят.

Достойной мести не получалось. Сашка ставил подножки на физкультуре, писал гадости на доске перед уроками. А то принимался «икать» иглой. Вставлял в карандаш булавку и легонько стучал сталью о край парты. Получался квакающий звук. С гулким эхом, будто в жестяном

ведре. Звук носился по классу, отовсюду и ниоткуда конкретно.

— Прекратили! — с напряжением в голосе приказала Ирина Александровна, и ее темные глаза налились нехорошей тяжестью.

Снова «икнуло».

— А чего Сухова не слушается?.. — протянул Сашка.

У Эли от неожиданного заявления упала ручка. Рядом с ней брякнулся карандаш с булавкой.

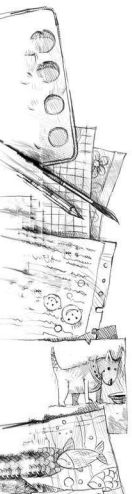

— Сухова! Дневник на стол! — припечатала Ирина Александровна. — Еще один срыв урока, и я вызываю родителей!

Учительница высокая и худая, но голос у нее такой, что мурашки бегут по спине. Ой, как страшно. Эля понесла дневник к учительскому столу. От несправедливости щипало в переносице. Кричать бессмысленно, ничего не докажешь. Надо мстить, так же цинично и жестоко.

Чтобы избавиться от несправедливого замечания в дневнике, Алка предложила вырвать страницу. Дернули неудачно. Вечером пришлось объясняться с отцом.

Папа сидел в кресле, устало постукивал дневником по коленке. Перед Элиными глазами мелькал Микки-Маус, наклеенный на обложку. Мышонок улыбался, хитрые глаза смазанно скакали туда-сюда.

Р. С. Я тебя ненавижу!

— Так не бывает, — словно на последнем издыхании говорил папа. — Ты не виновата, а все на тебя свалили.

— Просто он дурак.

Оторвать взгляд от наклейки нет сил, а потому в глазах рябит от двадцати пяти ушей, хвостов и белых манишек.

— Он один дурак или все?

— Один.

Эля отвернулась.

Вспомнилась карусель. Родители тогда не ругались, сказали: сама виновата, зачем взяла в школу. Может, карусель в портфель она положила только для того, чтобы Максимихин ее сломал? Может, ей приятно такое внимание?

— Саша не может ни с того ни с сего задевать тебя. Наверное, ты сама от него что-то хочешь.

Ну конечно, это любовь! Папа, а туда же!

Стало обидно и как-то сразу жарко. Эля засопела, пытаясь сдержать слезы. Нос хлюпнул.

— Ну, ну, ну, — растерялся отец. — Он виноват, он.

Папа сгрел Элю в охапку, усадил на колени. А она все сгибалась, пытаясь свернуться в клубочек: когда тебя мало, то и беда твоя уменьшается.

Больше мстить не хотелось. Выходило все неправильно. Если смотреть по фильмам, тот, кто мстит, получает от этого удовольствие. А тот,

